

«ХАОС СТРЕМЛЕНИЙ И ПЛАНОВ»: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ БАЛТИЙСКОГО ВОПРОСА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.¹

Котов Александр Эдуардович

д.и.н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет
a.kotov@spbu.ru

«CHAOS OF ASPIRATIONS AND PLANS»: SOCIO-ECONOMIC ASPECTS OF THE BALTIC QUESTION IN THE SECOND HALF OF THE XIX - EARLY XX CENTURIES²

A. Kotov

Summary: During the years of the first Russian revolution, the Baltic question became particularly acute, however, all the problems of this period were discussed in the post-reform period. After Yu.F. Samarin criticism of the privileges of the Ostsee knighthood became a constant refrain of the press of the "Russian direction". They were opposed by the ideologists of aristocratic conservatism. After the reforms of Alexander III, the government tried to solve the problem of securing the Baltic Empire to the Russian Empire in several ways at once: by solving the agrarian question; by strengthening economic ties between the region and the center; as well as by strengthening the political influence of the local Russian population. If the first of them turned out to be a dead end, then the last two required a long time and consistency in the actions of the central government.

Keywords: Baltic region, revolution, nationalism, agrarian question, Russification.

Аннотация: В годы первой русской революции балтийский вопрос приобрел особенную остроту, однако все проблемы этого периода обсуждались и в пореформенное время. После Ю.Ф. Самарина критика привилегий остзейского рыцарства стала постоянным рефреном печати «русского направления». Им оппонировали идеологи отечественного сословного консерватизма. После реформ Александра III правительство пыталось решить проблему закрепления за Российской империей ее Прибалтийской окраины сразу несколькими способами: путем решения аграрного вопроса; посредством укрепления экономических связей между краем и центром; а также при помощи укрепления политического влияния местного русского населения. Если первый из них оказался тупиковым, то последние два требовали долгого времени и последовательности в действиях центральной власти.

Ключевые слова: Прибалтика, революция, национализм, аграрный вопрос, русификация.

Балтийский вопрос был далеко не самым острым из «проклятых вопросов», раскалывавших предреволюционное российское общество. Прибалтийский край, также именовавшийся Остзейским, вошел в состав империи после победы над Швецией в Северной войне и третьего раздела Речи Посполитой. Подавляющее большинство его населения составляли латыши и эсты, однако ведущую роль в крае играли немцы. В составе Российской империи остзейские губернии обладали особым статусом, имели специфическое местное законодательство, основывавшееся на привилегиях влиятельных прибалтийско-немецких сословий — дворянства и бюргерства [1, с. 5]. Остзейские немцы не без

оснований гордились своей верностью самодержавию, а имевшиеся у них сословные привилегии давали все основания и в дальнейшем видеть в них оплот монархии [6, с. 5–11].

Однако с появлением на карте Европы второго германского рейха остзейцы обрели новый, находящийся вне пределов России, центр притяжения. Близость балтийской окраины России к имперской столице заставляла центральную власть трепетно относиться к любым, даже призрачным, сепаратистским тенденциям. Но главное — специфическое социальное устройство региона вступало в противоречие с объективными процессами:

1 Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда. Проект № 18-18-00142 «Центр и регионы: экономическая политика правительства на окраинах Российской империи (1894–1917).

2 This research was supported by the Russian Science Foundation. Project № 18-18-00142 «The Center and the regions: state economic policy on the outskirts of the Russian Empire (1894–1917).

демократизацией российского общества, роста национального самосознания как местных народов (эстов и латышей), так и русских. Особенную остроту приобрел балтийский вопрос в годы первой русской революции, однако все обострившиеся тогда проблемы обсуждались и в пореформенный период.

Первым, кто поставил балтийский вопрос в националистическом русском дискурсе, был Ю.Ф. Самарин. Объектом его критики были сословные привилегии остзейских немцев, объектом же защиты – большинство населения региона: «С одной стороны немцы, die von gutter deutscher Nation sind (доброй немецкой нации – нем.), это привилегированные. Что же вы находите с другой стороны? Это не русские, не финны, это совокупность тех, кому Провидение отказало в праве родиться немцами» [24, с. 40].

Наряду с Ю.Ф. Самариним, И.С. Аксаковым и М.Н. Катковым последовательно выступал за русификацию Прибалтики главный славянофильский теоретик-экономист — Н.П. Гиляров-Платонов [23, с. 7]. Поддерживая преобразования Александра III, он писал в своей газете: «Подавляющее помещичье землевладение довершило гнет, под которым стоит население края. С другой стороны, стена состоящего в постоянном заговоре рыцарства отгораживает население от государственной власти, которая через то лишена была способов действовать... Сколько раз бывало, что самые благонамеренные, самые верноподданные движения (среди туземного населения) наказывались, как бунт, военными экзекуциями. Так угодно баронам!» [22]. При этом в традиционной для «русского направления» манере Гиляров критиковал за это скорее высшую имперскую бюрократию: «Правительство как будто дожидается, что они сами одумаются и будут послушными детьми из одного уважения к словам закона и администрации. Напрасно, этого не будет; и правительство тем-то и ставит себя в комичное положение повара, усовещивающего Ваську» [21]. Чтобы исправить это, публицист призывал: «Давно пора наложить железную руку на эти мнимые привилегии и на ту упорную непокорность законам, которые обратились в закон для балтийских герров ...» [20].

Разумеется, были у остзейцев и сторонники – представители так называемой «немецкой партии». Наиболее известным из них стал «гуманный внук воинственного деда» А.А. Суворов – воспетый в знаменитой эпиграмме Ф.И. Тютчева и «Иродовой работе» Н.С. Лескова. В 1860-е гг. в защиту прибалтийских порядков выступила консервативно-аристократическая «Весть», пользовавшаяся поддержкой П.А. Валуева. На ее страницах, в частности, появился цикл «Письма из остзейского края», в котором В.Д. Скарятин заявлял: «Хотя я горжусь быть русским и православным; но если бы меня спросили: как вы желаете жить: под диктовку ли остзейского немца или под

диктовку московского славянофила? Грешный человек, я бы скорее помирился с ферулою остзейца, с бутербродами его цивилизации, нежели испытывать радости *Домостроя* и питаться мыльными пузырями пророков славянофильского Алкорана, которые надоели мне криками о каком-то особом призвании» [2]. Стремление славянофилов опереться на коренное местное население – латышей и эстов – трактовалось «Вестью» как потакание революционному движению: «Чего желает русская демократия, выступая в поход против остзейского дворянства?.. Горя идеальной любовью к чухонцу, не мечтает ли она свить себе теплое гнездо и в остзейском крае?..» [3]. В начале 1880-х в защиту остзейцев выступил другой печатный орган сословного консерватизма — газета В.П. Мещерского «Гражданин». На его страницах, в частности, К.Н. Леонтьев заявлял: «Все эти Мантейфели, Бреверны де-ла Гарди, Шау фон Шауфуссы – образы и величины определенные и значительные. А что такое эсты? К чему эта племенная демократизация? Пусть их не слишком теснят, и довольно!» [11, с. 41]

В целом принято считать, что в годы царствования предпоследнего самодержца восторжествовала именно «славянофильская» модель окраинной политики. По словам Б.Э. Нольде, «вся деятельность Александра III: упразднение старых балтийских судов, обрусительная школьная политика, превращение Дерпта в Юрьев и Дерптского университета в Русский университет, появление в Прибалтийском крае таких фигур, как Шаховской, — есть не что иное, как осуществление программы, с такой энергией и страстностью построенной Юрием Самариним» [12, с. 220]. Однако имперскому центру так и не удалось довести дело русификации края до конца. Отчасти препятствовала этому слабость русской общественной экономической инициативы. Еще в 1888 г. Н.С. Лесков отмечал: «Говорят у нас часто и много о том, что в Прибалтийской окраине русским людям будто нет никакого дела, а меж тем, когда здесь открываются дела как раз того рода, в котором русские давно известны своим искусством и познаниями, оказывается, что на эти-то самые дела и не находится охотников!.. Вот это и странно и это совсем не делает чести русской предприимчивости» [4, с. 78].

Определенные предпосылки для реализации последней сложились во время промышленного подъема рубежа XIX – XX вв. Остзейский край принадлежал к числу экономически развитых областей империи. Особенно ярко это проявилось в 1890-е гг. В 1870–1880-х гг. основу местной промышленности составляла легкая промышленность, а затем стала развиваться и тяжелая индустрия [19, с. 9]. Создаются новые и модернизируются старые промышленные предприятия: вагоностроительные заводы (Русско-Балтийский вагонный завод, «Проводник», «Феникс»); производившие промышленное оборудование («Везувий» и «Атлас»), верфи («Ланге

и сын»), электростроительные («Унион») и велосипедостроительные («Россия») предприятия. Примерно в это же время окончательно переходит под государственный контроль и также активно расширяется железнодорожная сеть региона — что еще больше укрепляет его экономические связи с центром. Увеличивается и значение прибалтийских портов в деле экспорта из центральных русских регионов [18, с. 372–486]. Однако всё это содействовало русификации Прибалтики далеко не в той степени, о какой мечтали публицисты «русской партии». В 1911 г. прибалтийский корреспондент «Окраин России» свидетельствовал: «Если в Либаве... есть что русского, так это только те деньги, которые здесь затрачены на устройства порта, железной дороги и крепости, теперь упраздненной <...> Связь этой окраины с метрополией весьма слаба...» [16]. Лишь служивший военно-морской базой Ревель представлялся взгляду националиста в достаточной степени русским [17].

Ключевым для решения балтийского вопроса даже в начале XX в. оставался вопрос аграрный, тесно переплетенный здесь с национальным. Как свидетельствовал местный деятель начала XX в., «...реформа строя местной жизни не была доведена до конца, и еще в настоящее время *заведывание общественным хозяйством* находится в руках немецкого дворянства, оказывающего преобладающее влияние также на *евангелическо-лютеранскую церковь* благодаря особенному строю ее. Но и в *аграрном деле* поместное дворянство пользуется еще правами и преимуществами, сохранившимися от средневекового феодального строя» [7, с. 6]. Этот тезис не был ни новым, ни «хорошо забытым старым». За 20 лет до выхода процитированной выше брошюры В. Земцева, в 1895 г. лифляндский губернатор М.А. Зиновьев описывал сложившуюся в крае аграрную ситуацию, причины которой усматривал в том же, в чем за десятилетие до него Н.П. Гиляров-Платонов: «в уступчивости правительства давлением местных правящих классов» [8, с. 62].

За всей этой политической и экономической публицистикой стояла напряженная борьба: противостояние немецкой аристократии с молодой прибалтийской буржуазией на местах, а одновременно — борьба различных политико-идеологических тенденций в русском обществе и правительственных верхах. В годы первой русской революции эти два конфликта перешли из хронической стадии в острую. Немецкое дворянство не думало сдавать своих позиций. По свидетельству публициста «Окраин России», «как все происходившие в прежнее время движения в Прибалтийском крае служили к укреплению позиций дворянства, так и волнения, происходившие в 1905–1906 г. сослужили дворянству ту же службу. Известно, что лояльность прибалтийского дворянства весьма дорогая вещь, потому что за свою лояльность оно представляет правительству очень высокие счета. Всю вину за происходившие в крае <...> волнения

(революцию) дворяне валят на русские учреждения и в особенности на русскую школу и на русских чиновников» [14].

Но главное, как и во время любого кризиса, разделилось само русское общество. Те же «Окраины России» указывали, что оно «разошлось во взглядах на политические следствия эсто-латышской революции: одни делают отсюда вывод об антигосударственном настроении эстов и латышей и о необходимости искать им противовеса в испытанной веками политической благонадежности балтов, обеспеченной и солидарностью их интересов с видами как русского правительства, так и верхов русского общества; другие же россияне считают последнюю эсто-латышскую разруху естественным следствием нашей прежней немцефильской политики, которая не могла не вызвать в душе туземцев горького чувства по отношению не только к своим баронам и пасторам, но и к опекающему последних столь пристрастно русскому государству» [15].

Главной своей опорой русские националисты по-прежнему видели латышских и эстонских крестьян-собственников. Так, повествуя о распространении в Прибалтике социал-демократических прокламаций, направленных против использовавших наемный труд зажиточных крестьян-землевладельцев, «Окраины России» писали: «Можно надеяться, что подобные прокламации, наконец-то, откроют глаза нашим “серым баронам”, которые в свое время примкнули к революционному движению в первой его стадии» [15]. Являвшаяся «плотью от плоти общества» российская бюрократия также не отличалась единством мнений по данному вопросу. С.Ю. Витте считал, что революционное движение с аграрным вопросом было не связано [10, с. 158]. С другой стороны, эстляндский губернатор Н.Г. Бютинг объяснял аграрные беспорядки тем, что коренное население было недовольно именно попустительством русского центра произволу остзейских немцев. В письме к министру внутренних дел П.Н. Дурново он писал, что «в конце концов, все законоположения и распоряжения правительства... слагались в духе немецкой партии» [10, с. 158].

Поиск способов разрешения этой проблемы шел непрерывно. В марте 1906 г. временный прибалтийский генерал-губернатор В.У. Соллогуб в письме к лифляндскому губернатору Н.А. Звегинцову определял круг подлежащих решению проблем: «В области экономических отношений несомненно подлежат постепенному устранению такие явления, как неточное разграничение крестьянских арендных земель от мызных, произвольное повышение арендной платы, неодинаковость условий соблюдения арендных договоров для помещиков и арендаторов, неравномерность распределения натуральных повинностей и другие обстоятельства, быть мо-

жет вообще и второстепенные, но тем не менее, имеющие большое значение в обиходе крестьянина» [9, с. 59].

26 апреля 1906 г. на Прибалтику была распространена деятельность Крестьянского банка, что должно было содействовать улучшению положения крестьян-собственников [10, с. 158]. Ключевыми вопросами, обсуждавшимися на Особом совещании при временном прибалтийском генерал-губернаторе, в Государственной Думе, Государственном Совете и Совете министров были вопросы об обязательном выкупе арендуемых крестьянами земель, границах квотной земли, фидейкомиссах и распределении земских повинностей. Последний вопрос был теснейшим образом увязан с планировавшимся распространением земств на западные окраины.

На первом же общем заседании Особого совещания (1907 г.), посвященном аграрному вопросу, представители местного крестьянства требовали установления максимума землевладения, льгот при погашении выкупных долгов, отмены привилегий. Сочувствовавшие этим требованием «Окраины России» так описывали работу совещания: «Начавшиеся в половине июля у местного генерал-губернатора заседания совещания о реформах в Прибалтийском крае, после обсуждения земского проекта, прерваны до осени по инициативе дворянства, которому, вероятно, хороши известны и причины этого перерыва. На заседаниях читался проект лифляндского дворянства, в который вносились поправки, заранее уже намеченные в частном совещании дворянства всех трех губерний края... По всем существенным вопросам крестьянские депутаты были против дворянского проекта ...» [14]. Подготовленные по итогам совещания и представленные в МВД «Предположения по вопросу о земельных отношениях в прибалтийских губерниях» лишь провозглашали – по требованию администрации края, – курс на постепенную отмену привилегий. Вместе с тем, большинство сюжетов, связанных с землепользованием, были разрешены в пользу помещиков. В схожем ключе проходило обсуждение этих вопросов в третьей и четвертой Думах [10, с. 161].

Остро стоял в регионе вопрос об отрезной земле. В ходе работы Особого совещания местные помещики стремились отменить указ 18 февраля 1893 г. «О квотной и шестидольной земле в губерниях Лифляндской и Эстляндской», ограничивавший их в праве распоряжаться небольшими арендуемыми батраками участками, и вернуть последние в свое безусловное распоряжение. Наоборот, местная буржуазия и русские националисты настаивали на обращении всей отрезной земли в разряд крестьянской и обязательном ее выкупе [10, с. 188–190]. После неоднократного рассмотрения вопроса в Совете министров был одобрен проект Н.А. Маклакова «Об обращении квотных и шестидольных земель в Лифляндской губернии в разряд крестьянских земель». Однако

в марте 1916 г. министерство внутренних дел отозвало проект [10, с. 192–193].

На протяжении предвоенного десятилетия правительство вносило в Думу немало законопроектов, связанных с экономикой края: о распространении на Прибалтику закона 1902 г. об устройстве канав и водопроводов на чужих землях для осушительных, оросительных и т. п. целей (1910 г.); о разрешении владельцам фидейкомиссных имений в Прибалтике отчуждать входящие в состав их имений крестьянские, квотные и шестидольные земли (1911 г.); о согласовании крепостных и кадастровых книг в Лифляндской губернии (1911 г.); об обязательном выкупе крестьянской земли в рыцарских имениях (1911 г.); об обложении в Лифляндии земским сбором недвижимых имуществ по оценкам, введенным согласно правилам 1901 г. (1912 г.); о привлечении в эстляндской губернии к земскому обложению строений в уездах (1912 г.); о распространении на Эстляндию оценочных правил 4 июня 1901 г. (1913 г.); о причислении квотных и шестидольных земель к крестьянским (1914 г.). По замечанию эстонского историка, немцы воздерживались от их обсуждений, т. к. «аграрное развитие края по-прежнему протекало по руслу, намеченному самим дворянством. Но зато они развивали бурную деятельность в целях пресечения неугодных им инициатив по аграрному вопросу» [10, с. 161–162]. Ряд законопроектов появился уже на волне антинемецких настроений военного времени. Так, в августе 1915 г. в сельскохозяйственный комитет Государственной думы был внесен законопроект «Об отмене особых привилегий, присвоенных собственниками дворянских вотчин в губерниях Курляндской, Лифляндской и Эстляндской» — тоже, впрочем, не получивший дальнейшего хода [5, с. 441–442].

Администрацию П.А. Столыпина интересовал также вопрос о положении русских в Прибалтике – в том числе, конечно, и положении экономическом. В октябре 1908 г. министр запросил у временного генерал-губернатора А.Н. Меллер-Закомельского сведения об общественном влиянии русского населения в Прибалтике [10, с. 232]. В своем докладе генерал-губернатор охарактеризовал это влияние как «равное нулю» и предлагал ряд мер по укреплению в регионе русского землевладения: «Необходимо отвести землю всем русским в крае предпочтительно перед туземцами, чтобы образовать русских крестьян собственников, вместо батраков и безземельных рабочих у инородцев. Для сего следует обратить в особый фонд казенные земли и приобретаемые крестьянским банком. На такие земли надлежит организовать переселение из внутренних губерний, причем для образования достаточно обеспеченных самостоятельных хозяйств необходимо отводить на каждую семью не менее 15–20 десят[ин]. Что же касается безземельных латышей и эстонцев, то им могли бы быть предоставлены зем-

ли в северных губерниях России, в Сибири и в Царстве Польском» [9, с. 314]. Определенную роль должна была сыграть и переселенческая политика [9, с. 330].

Однако в итоге Меллер-Закомельский признавал: «...даже первая часть поставленной выше задачи, т. е. упрочения благосостояния находящегося в крае земледельческого русского населения встречает затруднения, не говоря о тех осложнениях, которые должно вызвать предпочтительное пред туземцами земельное обеспечение русских. Еще более трудным окажется переселение сюда из внутренних губерний русских и земельное их устройство. Нельзя не считаться с тем, что латыши и эстонцы гораздо выносливее в работе и культурнее в сельском хозяйстве, нежели русские... Об усилении в крае русского землевладельческого класса едва ли можно говорить. Он составляет только 2.5 % немецкого землевладения. Последнее упрочилось здесь веками, крепко своей солидарностью, связью с землей и сильно традиционным подчиненным отношением состоятельного работодателя к туземскому земледельческому люду. Вырвать у него хотя часть захваченного влияния на местные дела не по силам русским землевладельцам, отличающимся своим абсентеизмом» [9, с. 331].

Однако правые круги видели иной путь укрепления русского влияния в регионе. Еще в марте 1906 г. депутация русско-прибалтийского Союза 17 октября просила Николая II содействовать образованию в Думе русско-прибалтийского представительства. Идею пропорционального национального представительства от края поддерживал и эстляндский губернатор П.П. Башилов [10, с. 235]. В 1907 г. председатель русско-прибалтийского Союза 17 октября И.И. Высоцкий обратился к Особому совещанию с предложением обеспечить русским и «над-

лежащее представительство в проектируемых для Прибалтийского края земских учреждениях». В этом случае, по его мнению, именно русским удалось бы разрешить немецко-эстонское и немецко-латышское противостояние, примирить «культурные» и «классово-экономические стремления» – тем более, что русским «роль примирителей свойственна и по натуре» [9, с. 147].

Разумеется, идея распространения земской организации на Прибалтику была не нова. Она высказывалась в 1881 г. сочувствовавшим славянофильству министром внутренних дел Н.П. Игнатьевым. В 1887 г. особое совещание под председательством В.К. Плеве разрабатывало проект введения здесь «бюрократического земства». Не получила развития эта мысль ни в 1896 г. (когда она вновь обсуждалась в Государственном совете), ни во время дискуссий вокруг столыпинского проекта введения земств в 1910 г. Последний и, как казалось, окончательный законопроект был разработан на волне анти-немецких настроений в 1916 г. – и, разумеется, не успел быть принят [9, с. 357–359]. Символично, что в преамбуле он содержал ссылку на Ю. Ф. Самарина [9, с. 361].

Таким образом, правительство пыталось решить проблему закрепления за Российской империей жизненно важной для нее Прибалтийской окраины сразу несколькими способами: путем решения аграрного вопроса; посредством укрепления экономических связей между краем и центром; а также при помощи укрепления политического влияния местного русского населения. Если первый из них оказался тупиковым, то последние два требовали долгого времени и последовательности в действиях центральной власти. Однако как раз этими ресурсами империя и не располагала.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева Н.С. «Остзейский вопрос» в политике Российской империи (1900 — февраль 1917 г.). Дис. ... докт. ист. наук. СПб.: СПбИИ РАН, 2010. 503 с.
2. Весть. 1864. № 39.
3. Весть. 1865. № 24.
4. Дмитриев А.П. Н.С. Лесков, Прибалтийский вопрос и демократизм в православии // Лесков Н.С. Иродова работа. Русские картины, наблюдения, опыты и заметки: историко-публицистические очерки по Прибалтийскому вопросу. 1882–1885. СПб.: Пушкинский Дом, 2010. С. 5–86.
5. Законотворчество думских фракций. 1906–1917 гг.: Документы и материалы. М.: РОССПЭН, 2006. 766 с.
6. Зейналов Р.Г. К вопросу о формировании идеологии балтийского частного права в XIX веке // Современный юрист. 2019. № 3. С. 5–11.
7. Земцев В. Остатки феодального строя в Прибалтийском крае. Дворянские привилегии в аграрном деле. Юрьев: Г. Цирк, 1916. 86 с.
8. Зиновьев М.А. Опыт исследования земского устройства Лифляндской губернии. О квотной земле. Рига: В.Ф. Геккер, 1906. 129 с.
9. Имперская политика России в Прибалтике в начале XX века. Сборник документов и материалов / Сост. Т. Карьяхярм. Тарту: Национальный архив Эстонии, 2000. 402 с.
10. Карьяхярм Т. Эстонская буржуазия, самодержавие и дворянство в 1905–1917 гг. Таллин: Ээсти Раамат, 1987. 309 с.
11. Леонтьев К.Н. Наши окраины // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем в двенадцати томах. Т. 8. Кн. 1. СПб.: Владимир Даль, 2007. С. 24–43.
12. Нольде Б.Э. Ю.Ф. Самарин и его время. М.: Алгоритм, 2003. 544 с.
13. Окраины России. 1906. № 2.
14. Окраины России. 1907. № 33–34.

15. Окраины России. 1907. № 33–34.
16. Окраины России. 1909. № 10.
17. Окраины России. 1911. № 31–32.
18. Окраины России. 1911. № 51–52.
19. Очерки экономической истории Латвии 1960–1900. Рига: АН Латвийской ССР, 1972. 555 с.
20. Развитие экономики республик советской Прибалтики. Вильнюс: Минтис, 1980. 313 с.
21. Современные известия. 1885. № 23.
22. Современные известия. 1885. № 212.
23. Современные известия. 1885. № 268.
24. Шарапов С.Ф. Неопознанный гений. Памяти Н.П. Гилярова-Платонова. М.: А.В. Васильев, 1903. 21 с.
25. «Я любил Вас любовью брата...» Переписка Ю.Ф. Самарина и баронессы Э.Ф. Раден (1861–1876). СПб.: Владимир Даль, 2015. 448 с.

© Котов Александр Эдуардович (a.kotov@spbu.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

